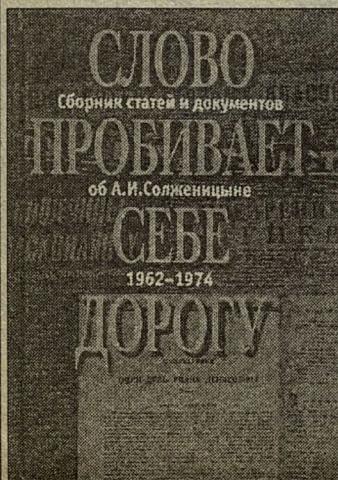

Владимир Глоцер: «МЫ ЖИЛИ КАЖДЫМ ЕГО ШАГОМ»

Солженицын говорит о власти, не считаясь с ее самочувствием

шагом. Елена Чуковская знала Александра Исаевича и помогала ему, о чем он сам рассказал в одном из приложений к очеркам литературной жизни «Бодался с дубом»... Я тоже знал Александра Исаевича и восхищался им. А когда я секретарствовал у Маршака до его кончины в 1964 году, я наблюдал борьбу за публикацию «Одного дня Ивана Денисовича» (Маршак, как известно, написал для Твардовского одну из рецензий на эту повесть и потом отставил ее в «Правде», когда она была выдвинута на Ленинскую премию). Рукопись прямо в руки Твардовскому передала замечательный редактор Анна Самойловна Берзер. Роль самого Твардовского была огромна: напечатать «Один день...» — для него это был вопрос жизни и смерти.

Когда появился «Один день Ивана Денисовича», возник необычайный интерес к рязанскому учителю, который до конца 1962 года все еще преподавал в школе физику. Все потрясло людей — и его повесть, и самый факт ее опубликования, и дальнейшие попытки печатать другие вещи: «Матренин двор», «Случай на станции Кречетовка», повесть «Для пользы дела»... Сборник так и строится: первые отклики, статьи Твардовского, Симонова, Бакланова, Солоухина, Иона Друсе, отклики критиков — даже одиозного Ермилова, который тоже приветствовал появление этой повести. Конечно, все знали, что повесть напечатана с санкции Никиты Хрущева, который получил ее из рук своего помощника Лебедева... И у всех на устах был вопрос — кто он, автор «Одного дня...»? Да, бывало, что учителя писали книги — но эта книга была явлением литературы, совершенно необычным для советской действительности.

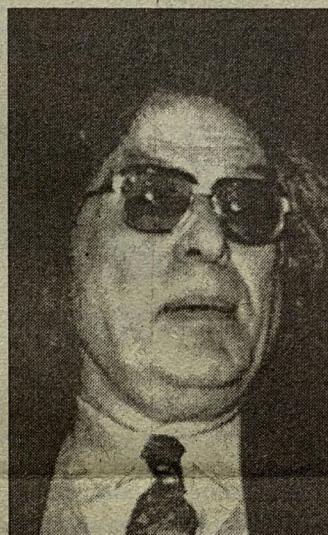
— Откуда вы брали то, что вошло в книгу? Статьи, стенограммы, письма?

— Все это, потратив не один месяц, с помощью друзей собрали Елена Цезаревна Чуковская. Представьте себе кучу статей, рецензий, выступлений, стенограмм и писем без какой-либо компоновки. На мою долю выпало сделать композицию — так, чтобы все это превратилось в читаемую книгу. Сборник начинялся с вхождения Солженицына в литературу и заканчивался пятидесятилетием писателя, которое отмечалось ровно тридцать лет назад.

— Что заставило взяться за эту опасную по тем временам работу?

— Солженицын занимал всех: что он пишет, что говорит, что делает. Мы жили каждым его

шагом. В издательстве «Русский путь» вышел сборник статей и документов об А.И. Солженицыне «Слово пробивает себе дорогу», составленный Еленой Чуковской и Владимиром Глоцером, в оформлении известного дизайнера книги Сергея Стулова. Это, пожалуй, единственная книга, посвященная А.И. Солженицыну, выпущенная к его 80-летию, которая впервые в полном виде воспроизводит самиздатскую рукопись 1969 года. Сборник представляет весь спектр отношений к Александру Солженицыну — со времени его вхождения в литературу и до изгнания из страны. Наш собеседник — один из составителей книги, литературовед Владимир Глоцер.

Александра Исаевича в стране до его высылки. Последовало исключение его из Союза писателей — и протесты честных людей, а также очень известных иностранных писателей... Потом — пощечина власти, когда Солженицыну дали Нобелевскую премию. Власть лгала, что премия Солженицыну, как и Пастернаку, присуждена по политическим мотивам...

Волна ненависти к Солженицыну нарастала. На Западе вышел один из узлов его эпопеи — «Август Четырнадцатого». И уже никак не могла перенести власть, что вышел «Архипелаг ГУЛАГ», великая книга! Власть натравила на Солженицына всех гадов. Но беда в том, что в это были вовлечены и писатели, среди которых было много людей с дарованием. Травля Солженицына и Сахарова в те годы запачкала множество имен.

— В 60—70-е годы, пожалуй, не было писателя, о котором бы столько писали. Сегодня ваша книга оказалась фактически единственной, вышедшей к его 80-летию...

— Во-первых, речь об издании этой книги шла примерно с 1992 года. А вышла она только сейчас в издательстве «Русский путь», и это в некотором роде совпадение. А во-вторых, эта книга не юбилейная по тону. И вообще юбилейные книги делать не нужно — это советская черта... Что касается Солженицына — были книги, выходившие и на Западе, и в России. Но что вы хотите? У Александра Исаевича по-своему трагическая писательская судьба. Он был выброшен из страны вопреки воле лучших и честных людей, к которым и обращался. Удивительно то, что он не сдался, оторванный от этой земли, осуществил свой огромный замысел и вернулся полный сил и продолжающий писать и думать о стране. Он говорит то, что может не нравиться любой власти, не считаясь с ее вкусами и самочувствием. Это в некотором роде толстовская позиция: не могу молчать. Напомню, что возвращению Солженицына предшествовало издание свыше 30 его книг, среди которых два Собрания сочинений, — согласитесь, не так важно, что написано о писателе, важнее, что написано самим писателем. Слово Солженицына, безусловно, пробило себе дорогу!

— В книге есть документы, выходящие за пределы 1969 года. Они накапливались тогда же?

— Желание издать эту самиздатскую рукопись как книгу возникло только в новое время. Один из экземпляров сохранился — и вернулся из-за границы: в том же виде, та же машинопись... Составители отнеслись к книге, как к документу времени — то есть ничего не убавили и не прибавили. Елена Чуковская дополнила книгу приложением, касающимся дальнейшей судьбы

Беседовал
Александр ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Солженицын Александр